

IVAN POSOKHIN

Некоторые наблюдения о новой эмиграции: образ, практики, тексты

Reflections on the new emigration: Images, practices, and texts

Abstract. This article examines the emergence of a new Russian émigré community following the full-scale Russian invasion of Ukraine in 2022. It explores several ways of how this wave of emigration constructs its collective identity through cultural practices and discourse, mostly drawing on parallels with historical emigration waves. The research highlights the discursive construction of émigré self-perception, emphasizing its moral and cultural opposition to the political climate in Russia. This opposition also functions as a strategy for self-legitimization and adaptation in host societies. The study investigates the role of literature, media, and institutional structures within the new émigré community, particularly the emergence of a new “tamizdat”. Key arguments include the instrumentalization of historical analogies, the evolution of émigré discourse, and the interplay between ethical, aesthetic, and political dimensions. The article concludes that this new emigration is not merely a demographic and political phenomenon but also a discursive one, shaping narratives of cultural exile.

Keywords: Russian emigration, Russian invasion of Ukraine, discourse, émigré literature, tamizdat

Ivan Posokhin, Comenius University in Bratislava, Bratislava – Slovakia, ivan.posokhin@uniba.sk,
<https://orcid.org/0000-0002-4069-9536>

Полномасштабное российское вторжение в Украину в феврале 2022 года актуализировало множество исторических параллелей, начиная с времени наступления, которое резонировало с временем нападения нацистской Германии на СССР, и заканчивая возвращением книжной цензуры в отношении нового эквивалента советских диссидентов и „врагов народа”, окрещенных в сегодняшней России „иноагентами” и экстремистами-пропагандистами запрещенного „международного движения ЛГБТ”. С историко-литературной точки зрения такой параллелью стал отъезд из России многих выразительных литераторов, которые начали формировать и представлять альтернативное русское и русофонное культурное сообщество, неподконтрольное внутрироссийскому политическому режиму; при этом схожие с прошлыми

периодами процессы можно проследить как в художественных практиках новой эмиграции, так и в ее институциональном оформлении. В настоящей статье я представлю лишь некоторые начальные наблюдения о том, как происходит формирование нового эмигрантского (культурного) сообщества, а также попытку интерпретировать то, как это сообщество моделирует свой коллективный образ. Материалом для рассмотрения послужат отдельные иллюстративные фрагменты публичного медиа и художественного дискурса, которые интерпретируются с опорой на анализ присутствующих в них способов аргументации. Поскольку иллюстративный материал все еще крайне „живой” и актуальный, данный (во многом субъективный) текст определенно не претендует на исчерпывающие выводы, являясь при этом приглашением к дискуссии о затронутых темах.

В июне 2024 года издание „The Bell” провело исследование с целью подсчитать количество людей, покинувших Россию после начала российского вторжения в Украину. На основании данных принимающих стран, в которые уезжали россияне, журналисты пришли к выводу, что с начала 2022 года из России уехали около 650 тысяч человек (Kasâncuk, электронный ресурс). Большинство из уехавших в качестве направления эмиграции выбрали страны бывшего СССР, которые имеют с Россией безвизовый режим: Армения (110 тысяч человек), Казахстан (80 тысяч), Грузия (74 тысячи) (Kasâncuk, электронный ресурс). „Центрами” эмиграции стали также США, Израиль, Германия, Сербия, в чем, несомненно, прослеживаются параллели с периодами первой и третьей волн. Авторы исследования также сравнивают эту волну с четырьмя предыдущими и отмечают, что „несмотря на небольшую долю уехавших россиян относительно суммарного российского населения (всего 0,5%), массовая эмиграция россиян стала крупнейшей за последние 20 лет” (Kasâncuk, электронный ресурс). Четвертой волной в исследовании считается период 1990-х – начала нулевых, что вызывает потенциальную терминологическую нестыковку, поскольку в некоторых более ранних публикациях уже фигурирует пятая волна, которую относят к периоду политического разочарования после „болотных” протестов 2011–2012 годов – так называемый „путинский исход” (Medvedev 2019, электронный ресурс). Проблемным является и само слово „волна”, которое по мнению некоторых социологов, к новой эмиграции применять преждевременно (Safonova, электронный ресурс), а лучше говорить о „всплеске”. Поэтому во избежание потенциальных неточностей я оперирую словосочетанием „новая эмиграция”.

Помимо социологических, политических или, скажем, психологических сторон феномена новой эмиграции, а также художественного творчества ее представителей, исследовательский интерес может представлять и дискурс,

который формируется вокруг новоэмигрантского сообщества, причем в качестве „производителей” (producers) дискурса в нем одновременно выступают как сторонние наблюдатели из принимающих сообществ и „метрополии”, так и непосредственно сами эмигранты, чья „повествовательная” перспектива также оказывает влияние на создаваемый коллективный образ новой эмиграции. Самой заметной, пожалуй, чертой этого дискурса является инструментализация множества уже упоминавшихся исторических параллелей. Так, в 2023 году сразу в нескольких переводах вышел сборник эссе Михаила Шишкина *Frieden oder Krieg? Russland und der Westen* (Pleitgen, Schischkin), немецкий оригинал которого был опубликован еще в 2019 году, однако после начала полномасштабного российского вторжения в Украину его темы реактуализировались. Представляя словацкий перевод сборника – *Moje Rusko: Vojna či mier?* (Šiškin), писатель дал интервью ряду словацких СМИ (Handzová, электронный ресурс; Bán, электронный ресурс), в ходе которых ему, живущему уже много лет в Швейцарии, несколько раз задавали вопросы об эмиграции, возможности возвращения на родину и жизни вне России. Ответы писателя сводились к нескольким тезисам, ключевым из которых было обращение к известной фразе эмигрантки первой, послереволюционной волны Нины Берберовой – „мы не в изгнании, мы в послании” – сигнализирующее об отождествлении собственной писательской роли именно с тем, чтобы вне метрополии сохранять и развивать культуру, чистую от наслоений официальной российской идеологии. Эта отсылка оказывается очень важной для понимания процесса конструирования самообраза новой эмиграции, в котором не последнюю роль играет стратегия легитимизации через присвоение себе особой морально-этической роли в контрасте с акторами идеологически противоборствующего (прокремлевского, провоенного, „Z-патриотического”) дискурса. Резонансным дискурсивным событием, в котором также имеет место подобная стратегия, стал пост Бориса Акунина, размещенный в его Telegram-канале, где писатель, также покинувший Россию еще до событий 2022 года, рассуждает о глубине раскола между „большой льдиной” метрополии и „малой льдиной” эмиграции:

России опять стало две. Очень многие – на обеих половинах [льдины] – не могут или боятся это осознать. [...] Что будет с „малой” Россией, разбредшейся по разным странам, в общем ясно. Те, кто моложе, или активнее, или профессионально космополитичней, с разной степенью успешности ассимилируются. Те, кто старше возрастом и кто профессионально привязан к языку и культуре, будут грустно петь „пока не меркнет свет, пока горит свеча” – и поддерживать этот огонек, сколько хватит жизни и сил. [...] В метрополии – чертово дежа-веку – скоро станет совсем кромешно. В давней, двухвековой борьбе между азиатским государством и европейской культурой в очередной раз восторжествовала Орда, она примется усердно азиатить культуру. [...] Культура метрополии будет цензурирована, выхолощена, поставлена на четвереньки и обучена вилять хвостом. Видели, помним. По-

том, конечно, сформируется контркультура, виртуоз Эзопова языка и фиги в кармане. [...] Эмигранты будут умиляться на любые живые проявления подцензурной культуры – как Набоков на Окуджаву. Россияне – тайком передавать друг другу Тамиздат. И печататься под псевдонимом на Западе (Akunin, электронный ресурс).

Акунинское высказывание, подкрепленное его несомненным литературным авторитетом, продолжает конструирование созвучной Шишкину нарративной линии о новой эмиграции, усиливая акцент на параллелях с „белой” эмиграцией и советскими диссидентами, а также декларируя не только морально-этическое, но и эстетическое превосходство эмигрантской культуры над культурой „непротивостояния”.

Идея превосходства уехавших в том или ином аспекте становится одним из лейтмотивов рассуждений не только о культуре новой эмиграции, но и в принципе о ее жизненном и профессиональном потенциале, поскольку, по мнению аналитиков издания „RE: RUSSIA”, ее основу

составляют представители наиболее модернизированного, образованного и социально успешного класса россиян, и практически единовременный отъезд не менее полумиллиона его представителей – это релокация колоссального человеческого капитала, существенно меняющая баланс сил в российском обществе (Kostenko et al., электронный ресурс).

Говоря о новой эмиграции, важно сделать и еще одну оговорку, которая лучше объяснит природу и гетерогенность этого явления. Спустя почти три года после начала российского вторжения, миграционный поток из России перешел в размеренную фазу и отъезды происходят не так массово и одномоментно, а, скорее, путем стандартных каналов эмиграции: учеба, бизнес, работа за границей. То есть новая эмиграция – это поэтапный и неоконченный процесс, который начался в феврале 2022 года с максимально оперативного отъезда прежде всего тех, кто захотел покинуть страну ввиду как несогласия с действиями российских властей, так и из-за опасения за свое благополучие. Это были люди, которые имели финансовую возможность уехать, а также необходимые для этого документы, включая, например, визы в ЕС или США. Вторым этапом стал массовый отъезд мужчин призывного возраста после объявления частичной мобилизации в России осенью 2022 года; многие из них просили в принимающих странах политического убежища: „Это совершенно другой, с одной стороны, более массовый, с другой стороны, менее устойчивый в своих ценностных основаниях пласт” (Medvedev 2023, электронный ресурс). Прилив таких социальных групп мигрантов коренным образом изменил характер русскоязычного эмигрантского сообщества, а для некоторых граничащих с Россией государств это означало и радикальное изменение городской экономики

и быта, а также общественного дискурса. Последнее связано с тем, что наплыв приезжих из России, сопровождаемый множеством свидетельств об их не всегда подобающем в принимающих странах поведении, стал восприниматься через имперско-колониальную оптику:

Волны российских „релокантов“, как они себя называют, служат неприятным напоминанием о колониальном наследии и продолжающемся региональном доминировании могущественного северного соседа. Правительства в [Грузии, Армении, Казахстане и Кыргызстане], даже несмотря на заявляемый экономический рост, вынуждены справляться с внутренней напряженностью, одновременно имея дело с Россией военного времени, действующей методом кнута и пряника, чтобы удержать их от присоединения к западной коалиции (Sahadeo, электронный ресурс).

В рамках номинативных стратегий внутри дискурса о новой эмиграции именно слово „релоканты“ стало эмблематичным. С одной стороны, оно подчеркивает космополитизм и непостоянность самого факта отъезда новых эмигрантов. С другой – в нем, среди прочего, кроется и важное проявление самоидентификации (а также еще одна стратегия легитимизации), работающее на основе оппозиции „мы – они“:

Россияне используют термин „релоканты“, являющийся производным от „релокация“ [переезд] – который применяется в России для обозначения перемещения предприятий – чтобы выделиться в категорию мобильности, во многом аналогичную той, которую западные страны обозначают термином „экспатрианты“. Термин „релоканты“ позволяет россиянам провести разделение между собой и грузинами, армянами, казахами и кыргызами, которые приезжают в Россию как „мигранты“ или „гастарбайтеры“, поскольку эти ярлыки наделены расовым подтекстом (Sahadeo, электронный ресурс).

Одновременно с этим в провластном российском дискурсе понятие „релоканты“ приобретает свои дополнительные коннотации, становясь синонимом „ненадежности“ или даже „предательства“ („Релокант – уже подозрительно“, Drize, электронный ресурс).

Помимо имперско-колониальной оптики, в формировании образа новой эмиграции в общественном дискурсе играет свою роль еще одна „неприглядная“ историческая параллель, которая этот образ романтизирует в гораздо меньшей степени, нежели параллели с первой или третьей волной эмиграции. По выражению Александра Гениса, известного литератора-эмигранта третьей волны, в ситуации с новой эмиграцией и ее культурной составляющей (как и в целом во всем контексте российского вторжения) „очень многое удобно сравнивать с нацистской Германией“ (Hodorkovskij LIVE, электронный ресурс 27:22). Схожую идею в интервью „Радио Свобода“ развивает и историк Андрей Зубов, который также уехал из России и сейчас преподаёт в Чехии. По его мнению, отношение к русским и российским эми-

грантам сегодня – это так или иначе отношение к людям, которые морально причастны к войне в Украине, и это не то же отношение, с которым встречали послереволюционную эмиграцию, поскольку оно больше напоминает как раз отношение к немцам после Второй мировой войны:

[...] люди понимают, что и немцы были разные, были антифашисты, они очень даже страдали от нацистской Германии, многие погибли, но все равно немец и немецкий язык – это был нацизм. Когда какой-то человек говорил со своей подругой на немецком языке во французском ресторане, на них смотрели волком и официанты, и соседи в конце 40-х годов, потому что они вспоминали, как люди на подобном языке, только в мундирах вермахта или СС, говорили несколько лет назад в этих же ресторанах. И то же самое с русскими сейчас (Tolstoj, электронный ресурс).

Кроме исторических параллелей, дискурсу о новой эмиграции свойственна тематизация психологических аспектов, связанных с „релокацией”. Во фрагментах данного дискурса находят место: (само)рефлексия психологического состояния новых эмигрантов (чувство вины и ответственности за происходящее, переживания, связанные с потерей дома); рефлексия их места и роли в культуре принимающих сообществ и связи с культурой метрополии (в частности, процессы децентрализации русской культуры: уехали ли ее „лучшие” представители, где сейчас настоящая русская культура: в эмиграции или в России?); рассуждения о природе формирующихся эмигрантских сообществ (например, о политической гетерогенности диаспоры, вызывающей конфликты новых эмигрантов с ветеранами эмиграции, часто симпатизирующими российскому режиму).

Говоря о культурной составляющей новой эмиграции, необходимо отметить, что среди покинувших (или не вернувшихся в) Россию культурных деятелей много представителей популярно-массовой культуры (эстрадные музыканты, рок- и рэп-музыканты, комики, популярные актеры): Алла Пугачева и Максим Галкин, Чулпан Хаматова, Рената Литвинова, Артур Смольянинов, Андрей Макаревич, Земфира, Вера Брежнева, Леонид Агутин и Анжелика Варум, Семен Слепаков, Манижа, Би-2, Монеточка, Татьяна Лазарева, Оксимирон, Егор Крид, Моргенштерн и др. (Vladimirov, электронный ресурс). Также уехало и множество журналистов, включая известного кинокритика Антона Долина, автора популярно-исторических проектов Михаила Зыгаря и известного документалиста Леонида Парфенова. Среди имен видных писателей можно отметить Дмитрия Быкова, Людмилу Улицкую, Марию Степанову, Дмитрия Глуховского, чьи голоса добавились к голосам уехавших раньше Бориса Акунина и Владимира Сорокина.

И в деятельности представителей культурной составляющей новой эмиграции можно обнаружить ряд исторических параллелей. В первую очередь

это заметно в продолжении и реинтерпретации в современном ключе моделей функционирования эмигрантского культурного сообщества, которые имеют свою традицию, связанную с предыдущими волнами эмиграции. Причем новые культурные эмигранты начали следовать этим моделям практически сразу, создавая новый „тамиздат“, открывая новые медиа и онлайн книжные магазины. Журнальные полемики, которые исторически были свойственны русскоязычной эмигрантской среде (достаточно вспомнить противостояние эмигрантских журналов „Континент“ и „Синтаксис“, начавшееся в 1970-е), реинтерпретируются с помощью социальных сетей, телеграм-каналов, блогов, интервью и „стримов“ в прямом эфире на YouTube. И в целом интернет – это еще один фактор, отличающий новую эмиграцию из России от всех предыдущих волн, поскольку вместе с ним меняется восприятие необратимости отъезда, сокращается символическая дистанция с оставленной страной и людьми в ней, как и глубина раскола между частями акунинской „льдины“.

Одним из первых заметных эмигрантских медиапроектов, предоставляющих платформу для „высказывания оппозиционным русскоязычным авторам“, стал онлайн-журнал „ROAR: Вестник антивоенной и оппозиционной культуры“ (англ. „ROAR: Resistance and Opposition Arts Review“), который весной 2022 года создала поэтесса и прозаик Линор Горалик (Goralik, электронный ресурс). Спецификой этой платформы является двуязычие (русский и английский) и мультимедийность, поскольку на ней публикуется и визуальное искусство. В апреле 2023 года было открыто издательство „Freedom Letters“, в котором за это время успело выйти уже семь самостоятельных книг Дмитрия Быкова (не считая соавторства). Особого внимания заслуживает его книга 2023 года *VZ. Портрет на фоне нации* (Bykov) об украинском президенте Владимире Зеленском. Издание „Медуза“ охарактеризовало эту книгу как „полудокументальное произведение с элементами публицистики, где биография Зеленского трактуется вольным образом“ и как „признание Быкова в любви Украине и ее лидеру“ (Antonova, электронный ресурс). Такого рода публикации, равно как и создание серий украинской литературы в рамках русскоязычных издательств, как мне кажется, можно интерпретировать как одно из проявлений свойственного новой эмиграции психологического защитного механизма и вместе с тем как рыночную стратегию, которая призвана помочь российскому писателю „выжить“ в мировом культурном контексте военного, а затем и, вероятно, послевоенного времени.

В каталоге издательства „Freedom Letters“ уже более 80 публикаций. Помимо книг Быкова, значимыми текстами стали роман *Спрингфилд* Сергея Давыдова (Davydov) и последний (на данный момент) роман Владимира Со-

рокина *Наследие* (Sorokin 2023), который сначала вышел в России, но был снят с продажи. *Спрингфилд* – это роман, который уже из-за своей тематики не может быть официально опубликован в сегодняшней России, поскольку в центре повествования находится однополая любовь двух мужчин из российской глубинки на фоне начинающейся войны: „*Спрингфилд* демонстрирует, что война могла стать сюрпризом для москвичей и петербуржцев, но провинция, которую пандемия и бедность давно отрезала от прежде обожаемой ею Европы, была к ней готова” (Vačedin, электронный ресурс). Сорокинское *Наследие*, в свою очередь, является завершением футуристической трилогии из трансгуманной постапокалиптической „вселенной” *Доктора Гарина* (Sorokin 2021), где от России остались лишь разрозненные обломки (см. подробнее Pešková). Сорокин продолжает использовать свои фирменные приемы: шокирующие образы (например, поезд в романе топится не углем, а человеческой плотью), разрушающийся язык, в разной степени скрытые ирония и аллюзии на современность, а также метафоричные рассуждения о судьбе литературы и бумажной книги, начатые писателем еще в *Манараге* (Sorokin 2017).

Среди новосозданных эмигрантских периодических изданий можно упомянуть и сугубо литературный альманах „Пятая волна” (*Nezavisimyj literaturnyj žurnal...*, электронный ресурс). Первый номер журнала, разножанровый – от стихов и рассказов до эссе и лекций – по содержанию, вышел весной 2023 года. Главным редактором „Пятой волны” является писатель Максим Осипов; журнал так же, как и „ROAR”, выходит одновременно и на русском, и на английском. Подобный билингвизм, будучи, безусловно, рыночной стратегией, имеет и дополнительный эффект, усиливающий присутствие голосов российской эмиграции в культурном пространстве, результатом которого в конечном итоге становится более эффективная трансляция оппозиционной культуры, что, в свою очередь, способствует более глубокой легитимизации русскоязычного сообщества в глазах принимающих сообществ. С точки зрения конструирования дискурса о новой эмиграции интересно и само название альманаха, которое однозначно решает (с позиции его редакции) вопрос о „нумерации” новой волны.

При всем множестве текстов, которые публикуются в новом тамиздате, пока нельзя говорить о существовании оформившегося корпуса произведений, которые бы последовательно тематизировали опыт именно новой эмиграции. Можно, например, упомянуть исторический роман Елены Зелинской *Последних русских видели в Белграде* 2024 года (Zelinskaâ), в котором авторка, опираясь на архивы белой эмиграции на Балканах, восстанавливает истории малоизвестных деятелей первой волны и одновременно проводит сюжетные параллели с прибывшими на Балканы новыми эмигрантами.

Сильным литературным высказыванием в этой области стал и небольшой роман *Фокус* Марии Степановой (Stepanova 2024), который вышел одновременно в разных городах, странах и издательствах: „Новое издательство” в России, „Бабель” в Израиле, „Interbok” в Швеции, „Liberty Books Lisbon” в Португалии и др.

Подобно ее полифоническому роману *Памяти памяти* (Stepanova 2017), *Фокус* также может читаться на разных уровнях: это и антивоенное высказывание, и эмигрантский текст, и диалог с литературой разных периодов, и игра с жанрами и символами. Антивоенное значение романа Степановой тесно переплетается с наполненным анималистскими метафорами переживанием протагонистки по имени М. того, что пространство ее родного языка подчинил себе абстрактно-инфернальный „зверь”:

Чужеземный город, где жила теперь М., был полон людьми, бжавшими из обеих воюющих стран, – и те, на кого напали ее соотечественники, смотрели на бывших соседей с ужасом и подозрением, словно прежняя, довоенная жизнь, какой бы она ни была, перестала хоть что-нибудь значить и только маскировала твое родство со зверем, продолжающим жрать. Многим из местных жителей хотелось, конечно, узнать о звере больше [...] Некоторые хотели понять, как вышло, что зверь до сих пор не убит или не съел сам себя в своей неуемной жадности, и намекали, что М. и людям, которых она знала в своей стране, следовало бы принять своевременные меры задолго до того, как он подрос и стал поедать всех подряд (Stepanova 2024: 7).

По своей сути, это художественная реализация одной из свойственных Степановой линий размышления, которую также можно интерпретировать как проявление эмигрантских защитных механизмов. В этих размышлениях Степанова обращается к „отмене русской культуры”, но не в кремлевско-пропагандистском ключе (см. подробнее Posokhin), а в ее ментальной реализации, „которая будет происходить незаметно и объективно за счет омертвления и коррозии языка” (Arhangel'skij, электронный ресурс). В этой ситуации, по Степановой, требуется отделение русского языка от государства, от политического режима в России: „Сегодня благодаря новой порции уехавших из России язык уже отделяется от определенной территории, становится языком диаспоры – и у этого «уехавшего» русского должны бы появиться какие-то новые черты” (Arhangel'skij, электронный ресурс).

В начале повествования Степанова умело создает иллюзию того, что перед читателем автофикшн-текст и что протагонистка М., тоже писательница, – это и есть Степанова. Однако по ходу действия становится понятно, что для автофикшна в *Фокусе* слишком много фантазмагоричных эпизодов, среди которых несостоявшейся отъезд героини вместе с трупой бродячего цирка, и мистическая символика карт Таро. Одновременно *Фокус* – это, безусловно, эмигрантский текст, поскольку его наполняют типичные черты

подобных текстов: тематизация языковой неустроенности эмигранта в принимающей среде и сложностей адаптации, осознание неоднозначности своей идентичности, контрастные переключения между планами настоящего и прошлого:

...ты ведь не румынка, нет.

М., в жизни не утверждавшая, что она румынка, вылупилась на него и открыла рот: на нее снизошла вдруг минута зияющей однозначности. Вопрос о том, кто она и откуда, был наконец задан, пусть и не в той форме, что вызывала у нее такую неприязнь, и нужно было дать наконец отчет в том, где она родилась, как очутилась в этих краях и что думает по этому поводу, пусть об этом ее никто и не спрашивал. [...]

Ты ведь не румынка, повторил он, в темных очках качнулись две крупные лампочки. Ты, милая, ex nostris, ты еврейка, да? И М., называвшая себя в последние месяцы только русской, русской писательницей, носительницей русского языка, почти с удивлением повторила за ним, что да (Stepanova 2024: 59).

Завершается роман Степановой главным „фокусом” героини – ее исчезновением и перерождением. Фокус при этом сопровождается примечательной перекличкой с одним из самых известных текстов литературы третьей волны эмиграции – *Чемоданом* (1986) Сергея Довлатова (Dovlatov). В этой перекличке главную роль играет многогранный символ эмиграции – чемодан (см. Boschiero): „Говорливый голубой чемоданчик она оставляла здесь, дальше ей предстояло перемещаться налегке” (Stepanova 2024: 61). Но если у Довлатова чемодан, наполненный вещами из предэмигрантского прошлого, выступает в роли спускового механизма воспоминаний с оттенком ностальгии, то героиня Степановой, наоборот, от содержимого своего чемоданчика избавляется. И если у Довлатова „немые” предметы из чемодана становятся „причиной слов”, то у Степановой многие из вещей слова или содержат, или ими являются. Так, из чемодана героиня извлекает и свое собственное имя „М.”, от которого она отказывается и становится „А.” Этот фокус избавления самой себя от себя прошлой, и, по сути, от языка, следующий после осознания и принятия своей другой идентичности, становится началом нового пути героини. Как резюмирует Игорь Гулин: „Задача тут – не реконструировать прошлое, а как бы выветрить его, не собрать идентичность из доступных осколков былого, а от нее освободиться” (Gulin, электронный ресурс).

Постепенное формирование корпуса текстов нового тамиздата, с одной стороны, свидетельствует о вероятном внутреннем принятии новыми эмигрантами того факта, что, скорее всего, ситуация эмиграции для них не будет краткосрочной. Определение этого корпуса текстов „тамиздатом” также обладает рядом дискурсивных коннотаций, поскольку автоматически присваивает им не только характеристику пространственной перемещенности,

но и определенную идеологическую и тематическую ориентацию, не обязательно удобную литературному пространству метрополии. Оба фактора должны означать и трудности с проникновением и распространением этих текстов в России, в чем, однако, в эпоху Интернета и электронных книг могут быть сомнения. Тем не менее, как минимум на внешне-символическом уровне эти трудности проявляются. Таким видным представителям новой эмиграции, как Людмила Улицкая, Дмитрий Быков, Дмитрий Глуховский, Борис Акунин, Михаил Зыгарь, формирующим ее литературный костяк, был присвоен в России статус „иностранных агентов”, то есть на уровне дискурса российского официоза произошла их идеологическая и экономическая стигматизация и остракизация. С этим связана и особая практика продаж написанных „иноагентами” книг, которые должны иметь соответствующую маркировку („Настоящий материал (информация) произведен иностранным агентом...”, а также „Содержит нецензурную брань”, „18+”), а магазинам зачастую приходится их упаковывать в непрозрачную бумагу или пленку, что с дискурсивной точки зрения также работает как механизм вытеснения в том числе тамиздатовских текстов из литературного пространства метрополии. Части новых эмигрантов были также выдвинуты обвинения по принятому после февраля 2022 года „закону о фейках” о российской армии. Заочные тюремные сроки получили, например, писатели Дмитрий Глуховский и Михаил Зыгарь, которые в своих публикациях говорили о российских военных преступлениях в Буче. Такая формализация невозможности безопасного возвращения также, конечно, способствует углублению разрыва между культурными пространствами эмиграции и метрополии.

Таким образом, новая эмиграция из России представляет исследовательский интерес не только как социально-политический и демографический феномен, но и, безусловно, как культурный и дискурсивный феномен, который включается в различные контексты. С одной стороны, это исторический контекст, в котором новая эмиграция, прежде всего в ее институциональном оформлении, воспринимается и интерпретируется в сравнении с предыдущими волнами эмиграции из СССР и России. С другой стороны, это этический контекст, в рамках которого представители культурной составляющей новой эмиграции, несмотря на глубинный ценностный и идеологический конфликт с сегодняшней Россией, оказываются в ситуации, когда им приходится делить груз ответственности за действия российского режима, что зачастую осложняет их существование в принимающих обществах. Наконец, это эстетический контекст, в рамках которого писатели-эмигранты стараются найти новые способы художественного высказывания о происходящем, о личных переживаниях, вызванных ситуацией эмиграции. Во всех этих контекстах немаловажное значение имеет и динамика отношений предста-

вителей новой эмиграции из России с украинской диаспорой и украинским культурным сообществом, что может и должно стать предметом отдельного исследования, как и то, насколько и как через эмигрантское сообщество транслируются колониально-имперские паттерны русской культуры.

References

- Akunin, Boris. *Mne kažetsâ, bol'sinstvo...* Telegram, 2024. Web. 30.10.2024. <https://t.me/EtoBorisAkunin/413>.
- Antonova, Elizaveta. „Dmitrij Bykov napisal knigu o Zelenskom. Pisatel' otkazyvaetsâ ot ob'ektivnosti i sčitaet, čto èto biografiâ, «perehodâšâ v žanr ispovedi»”. *Meduza*, 2023. Web. 30.10.2024. <https://meduza.io/feature/2023/10/18/dmitrij-bykov-napisal-knigu-o-zelenskom-pisatel-otkazyvaetsya-ot-ob-ektivnosti-i-schitaet-chto-eto-biografiya-perehodyaschaya-v-zhanr-ispovedi>.
- Arhangel'skij, Andrej. „Mariâ Stepanova: «Poezd istorii opât' v"ezžâet v temnyj tonnel'»”. *Radio Svoboda*, 2023. Web. 30.10.2024. <https://www.svoboda.org/a/mariya-stepanova-poezd-istorii-opyatj-vjezhaet-v-temny-tonnel/32408294.html>.
- Bán, Andrej. „Ruský spisovatel' Šiškin: Keď počujem výraz ruská duša, ruka mi siaha po zbrani”. *Denník N*, 2023. Web. 30.10.2024. <https://dennikn.sk/3675821/rusky-spisovatel-siskin-ke-by-dostojevskij-vstal-z-mrtvych-bol-by-moderator-proputinovskej-televizie/>.
- Boschiero, Manuel, Gabriella Pelloni. „Berlin & Berlin: le prospettive berlinesi di Wladimir Kaminer tra Est e Ovest”. *Scrivere tra due culture*. Red. Manuel Boschiero et al. Perugia, Morlacchi Editore, 2008, s. 36–46.
- Bykov, Dmitrij. *VZ. Portret na fone nacii*. Krivoj rog, Freedom Letters, 2023.
- Davydov, Sergej. *Springfild*. Freedom Letters, 2023.
- Dovlatov, Sergej. *Čemodan*. New York, Ermitaž, 1986.
- Drize, Dmitrij. „Relokant – èto uže podozritel'no”. *Kommersant*, 2023. Web. 11.10.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/6267432>.
- Goralik, Linor. „Pro ROAR”. *Russian Oppositional Arts Review*, 2022. Web. 30.10.2024. <https://roar-review.com/ROAR-b76768f9bb774cb9baa10dd674bf5abf>.
- Gulin, Igor'. „Isčezanie geroâ”. *Kommersant*, 2024. Web. 30.10.2024. <https://www.kommersant.ru/doc/6904258>.
- Handzová, Zora. „Rusko je pripravené na nového cára. Bude ešte horší”. *Pravda*, 2023. Web. 30.10.2024. <https://kultura.pravda.sk/kniha/clanok/690591-rusko-je-pripravene-na-noveho-cara-bude-este-horsi/>.
- Hodorkovskij LIVE. *GENIS: Slovo pri Putine – prestuplenie. U Rossii net osobennogo puti. Akunin, Solženicyň, Monetočka*. YouTube, 2024. Web. 30.10.2024. <https://www.youtube.com/watch?v=sg-DiZv2uMI&t=1s>.
- Kasânčuk, Denis. „Posle načala vojny iz Rossii uehali i ne vernulis' okolo 650 tysâč čelovek: issledovanie The Bell”. *The Bell*, 2024. Web. 30.10.2024. <https://thebell.io/posle-nachala-voyny-iz-rossii-uekhali-i-ne-vernulis-bolshe-700-tysyach-chelovek-issledovanie-the-bel>.
- Kostenko, Nika et al. „Rossijskaâ rizoma: social'nyj portret novoj èmigracii”. *RE: RUSSIA*, 11.01.2023. Web. 30.10.2024. <https://re-russia.net/expertise/045/>.
- Medvedev, Sergej. „Pâtaâ volna”. *Radio Svoboda*, 2019. Web. 30.10.2024. <https://www.svoboda.org/a/29805879.html>.

- Medvedev, Sergej. „Petr Šedrovickij: «Novaâ èmigraciâ dostraivaet ‘russkij arhipelag’»”. *Radio Svoboda*, 2023. Web. 30.10.2024. <https://www.svoboda.org/a/petr-schedrovitskiy-novaya-emi-gratsiya-dostraivaet-russkiy-arhipelag-/32689480.html>.
- Nezavisimyj literaturnyj žurnal „Pâtaâ volna”. Web. 30.10.2024. <https://www.5wave-ru.com/>.
- Pešková, Michaela. *Vladimir Sorokin: The future of Russia*. Pilsen, University of West Bohemia in Pilsen, 2022.
- Pleitgen, Fritz, Michail Schischkin. *Frieden oder Krieg: Russland und der Westen – eine Annäherung*. Kiel, Ludwig Buchverlag, 2019.
- Posokhin, Ivan. „Transformations in the perception of Russian literature after February 24, 2022”. *World Literature Studies*, 1, 2023, s. 69–87. <https://doi.org/10.31577/WLS.2023.15.1.6>.
- Safonova, Kristina. „Skol’ko lûdej uehalo iz Rossii iz-za vojny? Oni uže nikogda ne vernutsâ? Možno li èto sčitat’ očerednoj volnoj èmigracii? Ob’âsnâût demografy Mihail Denisenko i Ŭliâ Florinskaâ”. *Meduza*, 2022. Web. 30.10.2024. <https://meduza.io/feature/2022/05/07/skolko-lyudey-uehalo-iz-rossii-iz-za-voyny-oni-uzhe-nikogda-ne-vernutsya-mozhno-li-eto-schitat-ocherednoy-volnoy-emigratsii>.
- Sahadeo, Džeff. „Analitičeskij brif. Rossijskie «relokanty» na Kavkaze i v Central’noj Azii: sotrudničestvo i naprâžennost’ meždu gosudarstvami i obšestvami”. *International Centre for Migration Policy Development*, 2024. Web. 30.10.2024. https://www.icmpd.org/file/download/60895/file/PB_Sahadeo_RU_final.pdf.
- Sorokin, Vladimir. *Doktor Garin*. Moskva, Corpus, 2021.
- Sorokin, Vladimir. *Manaraga*. Moskva, Corpus, 2017.
- Sorokin, Vladimir. *Nasledie*. Berlin, Freedom Letters, 2023.
- Stepanova, Mariâ. *Fokus*. Moskva, Novoe izdatel’stvo, 2024.
- Stepanova, Mariâ. *Pamâti pamâti*. Moskva, Novoe izdatel’stvo, 2017.
- Šiškin, Michail. *Moje Rusko: Vojna či mier?* Per. Radka Smržová. Bratislava, Slovart, 2023.
- Tolstoj, Ivan. „«Rossiâ obeskovlennaâ snova». Professor Zubov o smysle novoj èmigracii”. *Radio Svoboda*, 2023. Web. 30.10.2024. <https://www.svoboda.org/a/rossiya-obeskovlenna-snova-professor-zubov-o-smysle-novoy-emigratsii/32232519.html>.
- Vačedin, Dmitrij. „«Springfild» – roman o vojne, v ktorom o nej ni slova”. *DW*, 2023. Web. 30.10.2024. <https://www.dw.com/ru/springfild-sergea-davydova-roman-o-vojne-v-ktorom-o-nej-ni-slova/a-65487756>.
- Vladimirov, Viktor. „Kto i počemu bežit iz Rossii?”. *Golos Ameriki*, 2023. Web. 30.10.2024. <https://www.golosameriki.com/a/levada-center/7014305.html>.
- Zelinskaâ, Elena. *Poslednih russkih videli v Belgrade*. Kust Press, 2024.

